

ТОМ
ПИСАТЕЛЕЙ

АНДРЕЙ
ПЕРГЯКОВ

*тёмная
сторона
света*

Андрей Пермяков

**Тёмная сторона света.
Бесконечная книга, часть вторая**

«Издательские решения»

Пермяков А.

Тёмная сторона света. Бесконечная книга, часть вторая /
А. Пермяков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748002-8

Дорога прекрасна и не зря похожа на удава. Она незаметно съедает свою жертву. Или гипнотизирует. Человек может потерять и вновь обрести несколько миллионов, найти и потерять любовь, а видеть перед собою будет только дорогу. Потом она закончится, человек подумает о потерях, загрустит, решит всё исправить. Но дальше — начнётся новая дорога. Книга из серии проекта «Том писателей» (Вологодское отделение Союза российских писателей).

ISBN 978-5-44-748002-8

© Пермяков А.
© Издательские решения

Содержание

Мечтательный автостопщик	6
Спустя пять месяцев	7
Ближний снежный юг	9
Остановка в пустыне	11
Город Тула, где темно	15
Отставной	18
Город хорошего Тона	21
Оранжевое	24
На восток, на юг, немного Матрицы и снова на восток	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Тёмная сторона света
Бесконечная книга, часть вторая
Андрей Пермяков

© Андрей Пермяков, 2016

© творческая группа FUNdbÜRO, дизайн обложки, 2016

Редактор Ната Сучкова

Корректор Елена Титова

ISBN 978-5-4474-8002-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мечтательный автостопщик

Эта книга про автостоп – и не только. Ведь кто обычно ездит автостопом, в поисках ли приключений, в жажде ли новых знаний и нового опыта? Те, кому «двадцать плюс-минус немного». Однако герою этой книги – двадцать плюс много, у него хорошая работа, семья и дети. И тем не менее отчего-то он с завидной регулярностью бросает всё это и уходит на трассу, подвергая себя всем превратностям дорожной судьбы. Почему? Что толкает его к тому, чтобы время от времени испытывать жизнь на прочность, оставаться одному, пускаться в мутную воду неизвестного, отрекаясь от размеренной и понятной жизни, которую он ведёт? Ответить на этот вопрос хочет не только читатель, но и сам герой книги. Потому что ответить на него – значит, приоткрыть что-то смутное, сокрытое, пока ещё не понятое в русском человеке вообще. Потому что так же, как этот мечтательный автостопщик, неизвестно чего ищущий на просторах России, чего-то ищут и ждут все остальные, все, кто мотается, или не мотается, или сидит на месте – и томится, томится. Смутная душа как кочевник, привязанный к коновязи вместо своего коня, – вот вам русский человек в призме этой повести. И хорошее часто для него плохо, а плохое как бы и ничего.

Так о чём же книга? Да, о дороге, да, о русском человеке. И, конечно же, о самой России, о её непутёвой, нищей, но такой невозможно родной и понятной жизни в закоулках, куда иначе, нежели как по прихоти дорожной судьбы не попадёшь. Но в первую очередь книга о самом Андрее Пермякове, большом, трогательно добром поэте, глядящем на Россию любящими и ироничными глазами. Поэтому не ждите от повествования художественных изысков. Да в ней даже сюжета как такового нет! Это тот жанр селфи-прозы, которая выросла из ЖЖ и статусов в facebook'е и которую раньше именовали бы дневниковой, а в наше время – pop-fiction. Ну, а что? И о себе, и о России, и обо всём, что действительно любишь, только так и надо – честно и без фикций.

Ирина Богатырёва

Пермяков – человек наблюдательный, остроумный и небеспристрастный. Субъективизм – не порок даже когда автор сочиняет очерк, а тут художественная проза, которая порою только маскируется под дорожный очерк. Если кто помнит, в русской литературе куда более известен пример противоположного свойства, когда невинным жанром дорожной прозы лишь маскировался политический памфлет. Его автор, Александр Радищев, проехался на перекладных только из Петербурга в Москву, но и этого краткого путешествия автору хватило, чтобы заработать срок. Пермякову эта участь, пожалуй, не грозит: в «Тёмной стороне света» практически нет политики в чистом виде и нет обличений сильных мира сего. Ну а то, что после путешествия у автора в сухом остатке – скорее, горечь, чем радость, так ведь он писатель-реалист, а не фантаст.

Роман Арбитман

Спустя пять месяцев

Мы стояли на плоскости возле пересечения трассы М9 «Балтия» с Малым бетонным кольцом. И Луна переменнo отражалась стеклянными гранями пустого киоска на другой стороне дороги. Миша стоял и стоял, а я стоял и ныл:

– Давай уже тачку вызвоним? Если чего, карта дисконтная есть.

Михаил, однако, вёл среди меня идеологическую работу:

– Андрей, когда ты останешься один и совсем без денег, ты увидишь, сколько вокруг добрых людей. Они тебе всегда помогут.

Кажется, парень был прав: он жил у меня второй месяц сряду и заработков действительно не имел. В Подмоскoвье Мишаня писал роман о жизни современных молодых людей, потерявших ориентиры. Труд целиком пребывал в стадии замысла. Ещё Михаил время от времени просил денег на ведение домашнего хозяйства и, качественно сэкономив, выпивал бутылку водки на берегу пруда, где разводили печальную стерлядь к столу допетровских царей. Иногда к нам приезжали знакомые с Мишей девушки. Порою это совпадало с приездом девушек и молодых людей, знакомых со мной. Тогда я проводил ночь под столом в спальном мешке оранжевого цвета. Но вы не думайте, будто я там плохо отдыхал: девушки сооружали мне домик из покрывал и пододеяльников, точно в дошкольном возрасте, когда играли в дочки-матери. В наших краях, впрочем, игра эта называлась «об домá».

Миша при изобилии гостей шёл ночевать в лоджию. Вообще, его отношения с противным полом удивляли целомудрием. Спали, во всяком случае, они порознь. Даже когда я возвращался с работы и компания, буйствовавшая накануне, медленно пробуждалась, Михаил вещал, сидя в кресле, а барышни ему глядели. Голый до пояса, причёской и фигурою своей молодой человек напоминал хатха-йога Мухтара Гусенгаджиева. Иногда, в присутствии особо стеснительных девиц, Михаил надевал футболку. А при двух из них, бывших, вероятно, самыми благодарными ученицами, – мою рубашку цвета нежнейшей свинины. Она казалась на нём смиренным халатом из фильмов про старые психлечебницы. Готовил будущий литератор прекрасно, бифштексы нарезал поперёк волокон, а отбивал их без фанатизма, до сочности. И сыпал на варёную картошку красиво синеющий базилик.

Однажды, смешав водки и украинских таблеток анальдим, где был димедрол, Мишка начал смешно говорить:

– Хи-хи-хи-хи. Не. Ха-ха-ха-ха!!! А чо, а чо у тебя руки так интересно шевелятся? Не, не может такого быть. Ой, а зачем вы теперь плоские стали? Клёёёевые такие, только плоские. Ой. Опять. Вы говорите, а губы у вас, как в мультике, шевелятся. Я такого с пяти лет не видел.

Но и в тот вечер он держал себя с гостившими юницами весьма отстранённо. Это уже в сентябре вернётся моё семейство, и один использованный презерватив жена найдёт под ванной, а второй – дочка под кроватью. Дочкин гневный вопрос, кстати, удивит меня:

– Папа, откуда он тут?

Спроси она «что это?», так мне б спокойней было. Одиннадцать лет всё ж девочке только.

Впрочем, эта история произойдёт позже и к автостопу отношения иметь не будет. Летом же меня расстраивала лишь необходимость каждое утро просыпаться в семь утра и к восьми непременно быть на работе. Пили-то иногда до пяти.

Но в ту августовскую ночь, стоя на плоскости схождения трассы М9 «Балтия» с Малым бетонным кольцом, мы были трезвы, возвращаясь с дорог. Я из Твери, а Михаил из Питера. Встретились именно в Твери. Мужская езда автостопом вдвоём, конечно, абсурдна. Схожим образом, наверное, выглядит парный однополый балет на льду. Говорят, такой случался

на Олимпийских играх для людей современной ориентации. Маскулинная двойка на перекладных движется вполтину медленней одинокого дяденьки или пары мальчик-девочка.

Однако нам долго везло. Вот прямо досюда везло, до последнего перекрёстка. И двигались-то мы, заметим, не по всеми любимой Ленинградке, а через хитрую сетку малых дорог. Но добравшись до серьёзной трассы, встряли. Всё б ничего, дом он вот – полтора часа пешком, только на мобильнике уже три часа ночи, а к восьми мне, опять скажу, надо быть на работе. Ну, пускай к девяти – это край. Я ж начальник, мне нельзя сильно опаздывать.

А Михаил всё воспитывал меня, воспитывал. У него к этому талант. Нет-нет, проживание было выгодным обоюдно: например, кроме кухонных послушаний, он регулярно гулял с собакой. По выходным, когда я уезжал, только Миша и гулял. Нормальный такой вписчик¹, бывают много удивительней. Но стоя там, где луна перемененно отражалась стеклянными гранями пустого киоска на другой стороне полотна, я начал вспоминать свой Самый Худший Автостоп. И вспомнил. Бывает так, когда всё сходится вместе: дурная погода, обломы со вписками², долгие зависания, потери материального и другого рода, разминки с друзьями, размовки с друзьями, обидные приключения и отсутствие приключений хороших. Нас уже подобрала девятка с псковскими номерами и грузином за рулём, высадила на правильном повороте. Мы даже домой пришли, а я вспоминал.

Достав ключ из двери, погладив собаку, набежавшую с визгливыми лобзаниями колен, я понял: книжка готова. Вот эта самая книжка – про тёмную сторону света и самый худший автостоп. Записать вспомненное, правда, случилось лишь много позднее. Так бывает, и вообще в жизни много дел. Может, и забыл чего за это время.

Это не рассказ об ужасах вольных путешествий. По отдельности события бывали куда гаже. Тут просто много разного собралось в одну поездку. И не всегда плохого. Хорошего даже больше произошло. Просто, когда автостопом едешь, с тобой часто получается только хорошее и ничего иного. А в тот раз всякое было.

¹ Вписчик – человек, обитающий дома у знакомого или приятеля, не оплачивающий своё проживание материально, но приносящий хозяину жилья радость хорошими рассказами, мелкими услугами или просто осознанием хозяином собственной важности (Здесь и далее все примечания внесены автором по настоянию редакции – А.П.).

² Вписка – место обитания вписчиков.

БЛИЖНИЙ СНЕЖНЫЙ ЮГ

Уезжать пришлось чуть раньше и не на машинах. «Радио 7» сказало, будто от Москвы во всякую сторону обильный снег и автомобильные пробки. Конечно: накануне праздника все хотят на дачу, особенно в феврале. Пришлось изобрести себе неотложное дело на юге города. Убежал с работы, переоделся в стопное рюкзачок взял.

К счастью, у нашей конторы много партнёров в районе станции метро «Каширская». Там работает очень славный доктор наук, заведующая лабораторией. С ней интересно пить чай и слушать про инопланетян. Когда их поколение было по возрасту похожим на наше теперь, вокруг казались инопланетяне. Даже следы оставляли. А потом, может, инопланетяне везде стали. Екатерине Владимировне семьдесят, но чай с ней пить всё ещё интересно. А в этот раз бы она, вероятно, удивлялась, зачем на мне ярко-красная куртка с отражающими свет полосками и чёрные берцы. Ей бы я, думаю, тоже про инопланетян чего-нибудь сказал. Начальник одного из участков в нашем цехе, ехидный Толик, видя меня такого, декламирует:

Итак, начинается песня о перце,
О перце, обутом в ментовские берцы...

Завидует, наверное. Но 19 февраля мы с Екатериной Владимировной чая не пили. Я, на вахте пакетик оставив, отправился мерным шагом римского легионера на остановку автобуса номер 192. В салоне многие ругали мой рюкзак. Маршрут действительно всегда переполнен. Зато везёт он сразу на платформу «Москворечье», откуда славно ехать к югу, притворяясь, например, курортником.

Забавное место это Москворечье. Река близко, а её не видно. Даже и с железнодорожного моста. Теперь, кстати, там совсем нечего делать: тульские электрички, кроме самой последней, девятичасовой, станцией брезгуют. Но тогда, в 2010-м, останавливались. Билет до Подольска стоил 33 рубля, а дальше он не нужен. Там контролёры насовсем кончаются.

За окном не происходило ничего. Сначала небо слилось с землёй в одинаково белое, а за станцией Чепелёво сделалась ровная, сизая муть. Стал читать книжку стихов Алексея Дьячкова. Я вообще-то к нему в Тулу и ехал. Хорошая книжка, в жёлтой и белой обложке, но тут не совпала чего-то. Решил спать. Только сначала билет подготовил – вдруг опять контролёры пойдут, хоть и не должны. Или ревизоры. Покомкав проездной документ, оборвал пункт назначения, спрятал в щель меж сидением и желтоватой обшивкой стенки. В электропоездах системы ЭР2Р, не подвергавшихся капитальному ремонту, покрытие вагона изнутри кажется похожим на человеческую кожу. И будто по этой причине переживал я и для успокоения нервов мял билет.

Но спать так и не лёг. Наоборот: стал придумывать планы на поездку. Сегодня была пятница, дальше два стандартных выходных, потом день, переделанный из простого в предпраздничный, ещё 23 февраля законное, а дальше отпуск. Плохо, когда отпуск в феврале, но надо. Ориентировочно – три недели. Конечно, можно позвонить и тогда будет дольше. Начальство хорошее, понятливое. Додумав путь примерно до Воткинска, уснул.

И проснулся сразу. В районе Серпухова от головы поезда к хвостику его стали мигрировать компании людей, прихватывая тихо сидевших пассажиров. Значит, шли новые ревизоры. Я бежать загордился, имея в запасе готовый билет. Действительно, станции через три появились мадам и мсье в красивых униформах. Усатый быстро пробежал свою сторону, а дама ко всем цеплялась. Разбудила неспящего меня:

– Ваш билетик?

– Так проверяли ведь уже. Я вот его выкинул, сейчас поищу.

Ленивым таким голосом, барским. Протягиваю несообразно скомканный талончик. Тетенька его долго расправляет и сразу укрепляется в правах:

– Вы кого обмануть хотите? Я шеснаццоть лет на железной дороге работаю! Взяли билет на одну зону и ехайте! Платите.

– Ну, это...

– Платите или выходите отсюда.

Ладно. Потопал, сопровождаемый презрением законных пассажиров, до заднего вагона. Обычно этого бывает достаточно. Не деньги ж требуются надзирающим, но власть. Сел на краешек скамейки, явив покорный вид. И мужик-контролер, проходя мимо, кивнул, надменно улыбнувшись.

Тетка же заинтересовалась вдругорядь. Она, понятное дело, обладала перманентной завивкою. Вот почему? Сидела ведь когда-то с подружками-брюнеточками и другими тоже подружками у подъезда в каникулах после седьмого класса. Смеялась, наверное, над продавщицей арбузов с такой вот укладкой волос. А потом сделалось ей тридцать пять лет, и у самой на голове вырос перманент. Арбузы тогда, в восьмидесятых, кстати, были ровно-зелёного цвета, отличные от изображённых в букваре. Теперь арбузы полосатые, а на голове у дамы – экие кудри. Так надо, вероятно. У Николая Лескова тоже исполнялось дворянкам пятьдесят, и надевали они чепец, принудительно делаясь старушками.

Ушёл в последний тамбур. Достала и там. На станции Тарусская, перебежав через пару вагонов вперед, сел. Она меня снова нашла. Начались весёлые догонялки. Наверное, девушка и вправду трудится на железнодорожном транспорте шестнадцать лет, а значит, мы примерно ровесники. Вот годиков тридцать назад могли бегать друг за другом, всех умиляя. И лет двадцать пять назад тоже могли бы, но уже с лёгким эротическим подтекстом. А так только народ смешили. Нет, я ее понимаю. Столько лет общаться с жадным до халявы быдлом – хоть кто озверевает.

В очередной раз мадам настигла меня в тамбуре первого вагона:

– Я как-то в людях разбираюсь уже. У вас есть деньги.

– Вы так говорите, будто это плохо, когда у человека есть деньги...

– Платите! Или я милицию вызову.

Милиция действительно могла б деньги найти, они у меня в кармане были, восемь тысяч. И ещё много на карточке: целая зарплата с отпускными. Но азарт обману – он ведь сладок? В принципе, я был согласен на почетную капитуляцию: до Тулы оставалось станций шесть это одна, максимум, две зоны. Скажем, 25 рублей дать бы можно, но тетка настаивала на сумме в десять раз больше.

– Не будете платить?

– Ну... нет.

– Выходите.

Мощно шагнула в кабину. Я собрался очередной раз перебежать в другой вагон и, в общем-то, стартовал, но едва поставил на перрон вторую ногу, как двери во всей электричке закрылись. Это она машинистам скомандовала. Так-то им нельзя высаживать безбилетников на платформах, не оборудованных тёплым залом ожидания, тем более – зимой. Так они и не высаживали – я сам вышел.

Остановка в пустыне

Платформа Бараново оказалась дачной, летней такой. Там добровольно в феврале никто не выходит, а на будке нету даже расписания. Темно уже. До самого утра темней не станет. Потопал к огонькам и фонарям. Огоньки по мере приближения сделались маленькой деревней, а фонари – большим дачным посёлком с глухими металлическими заборами высотой пять метров.

Занятный пейзаж: лампочки горят, а ни одной живой души и окна тёмные. Получается компьютерная игрушка про апокалипсис. До места невольной высадки теперь было с полкилометра. Я забоялся. А тут ещё пришла немалая собака. К бродячим псам я испытываю смешанное чувство – аккурат между страхом и ненавистью. Реально, ничего больше. Удивительно глупые твари. С человеком, даже с очень плохим, можно немного говорить, а эта разве тебе ответит? Пси́на стала со мной играть, время от времени прихватывая за ботинок. Я ее увещевал, отступая обратно к электричкинской остановке. Метров за двести от перрона тварь отстала. Навстречу шёл мужик, толстый даже в сравнении со мной:

– Здравствуйте. Я вот тут по ошибке вышел. Как мне теперь уехать?

– А никак теперь. Только идти пешком по путям до Ревякино. Это близко, меньше километра, если летом.

– Ага. Спасибо.

Пошел. Видимо дядька попутал темы «меньше километра» и «меньше часа ходьбы». Находишься на моем месте кто-нибудь смелый, например, Ваня Козлов, ему бы всё казалось в радость, а я шел и собак боялся. И поездов тоже. Долго было тихо, а потом вперёд меня к станции Ревякино прогрехотал скорый Москва – Баку с очень красивыми шторами в мелкую клетку. От движения воздуха, сделанного поездом, наперек рельсовых путей ещё долго летели белые дракончики. Зачем-то было нетемно. Откуда зимой берётся свет – вообще загадка. Луны вот точно не видел. При Луне куда страшнее. Те, кто появляются, когда она полная, гораздо хуже собак. Очень давно я в них боялся верить, а потом знакомый священник всё объяснил. Верить в плохо изученных существ можно, им поклоняться только нельзя. Так в Символе Веры сказано. Я вот не поклоняюсь. Порою говорю с лесом – и ладно. Но одно дело лес, а другое – те, кто приходят при Луне. С ними разве поговоришь? Фонарей сначала тоже не было, а затем они появились далеко впереди. Там, значит, уже Ревякино.

О собаках и других неприятностях думать не хотелось – хотелось думать о книжках. Вообще, я сначала про кондукторшу эту подумал: ей, наверное, скучно очень жить, раз она вот так развлекается. Значит, работа унылая. А людей, у кого унылая работа, следует жалеть. Больше решил в электричках бесплатно не ездить. Игра – это когда всем весело, а тут получилось мне весело, а тётке – грустно.

Стал думать по порядку: про книжки. О кондукторшах, честно говоря, думать легче. Про них про всех можно разом думать: они похожие – конечно, те из них, с кем лично не знаком. А книжки разные. Вот, например, в романе про Россию: общий вагон³, написанном Натальей Ключаревой, героя тоже высаживали из поезда. Только я, идя к станции Ревякино, думал не про эту книгу, а про «Дневник больничного охранника», сочинённый Павловым Олегом. Не знаю даже, отчего так. Думал, и всё. Там, в книжке, одна старшая медсестра собирается ехать поездом на юг. И я тоже по железной дороге шёл на юг. Видимо, такая оказалась связь.

Когда герой «Дневника» работал в больнице, я тоже работал в больнице. Только в другой больнице другого города. Даже в нескольких. Сначала санитаром, позже медбратором, потом массажистом. Граждан системы БОМЖ туда, где я работал, конечно, привозили. Только они

³ Наталья Ключарева. Россия: общий вагон (роман). Новый мир, №1, 2006.

не умирали. В книге Павлова умирали, а у нас нет. Павловских бродяжек доставляли зимой, быстро сажая в очень горячую ванну. Сердце у них останавливалось. Я же сперва работал только летом, и людей, отличавшихся от других людей запахом, у нас мыли из шланга на заднем дворе, позади пищеблока. Они благодарили и долго потом спали. А умирать – нет, не умирали. Во всяком случае, скоро не умирали.

Но вообще «Дневник больничного охранника» начинается зимой 1994 года. Может, тогда в двадцать первой больнице города Пермь тоже стали сажать людей в горячие ванны, и у них приключалась остановка сердца, но я уже сбежал работать массажистом в неврологическое отделение медсанчасти МВД. Там, конечно, бездомных не было. А охранники были. И лифтёр напоминал лифтёра Мишу из «Дневника». Но многое происходило иначе: водку медсестры не пили, а больные приносили мне вознаграждение. Например, консервированные ананасы из Египта. И конфеты разные. А денег почти не носили: милиция всё ж.

Генералы и наиболее серьёзные полковники лежали в люксовых палатах. Там стояли видеомэгафоны, а на них целыми днями крутились порнографические телефильмы из Германии. Это да, тут Павлов снова прав.

Раненых из Чечни я поначалу не застал. Там ведь долго были в основном солдаты. Милиция понадобилась позже. Да и зачем раненых отправлять в неврологию? Потом привезли двух капитанов с черепно-мозговыми травмами. Вряд ли от травм этих – скорей, по склонности характера, офицеры чудесили. Сначала друг над другом. Один, тот, кого звали Василий, другому, чьё имя за давностью стало никаким, вписал в лист назначений высокую клизму. Клизму, так сказать, высокого полёта. Безымянный, отбившись, в свою очередь, направил Василия до поликлинического кабинета номер тридцать шесть. Вася, наверное, странно себя ощущал в очереди на аборт. И вместе они бесчинствовали. Например, переодевшись во врачей, устроили обход. Выдал запах полуусвоенного алкоголя. Но офицеров за это из больницы не выгнали.

А про Чечню они не говорили. Про Чечню говорили другие. Например, парализованный от долгого пьянства майор. Он ходить не мог, и я делал массаж ему прямо в палате. Там много работы получилось: спина, шейно-воротниковая зона, правое плечо и дальше вся рука. В назначениях доктор Чудинова, красивая, всегда писала: «массаж правой верхней конечности». Меня это смешило. У человека и других приматов они давно уже называются руками. Но у майора была именно конечность. Скрюченная, печальная такая. Даже дерево не слишком напоминала, пластиковая скорей. Я массажировал, пытаюсь разогнуть загогулины его пальцев, а он медленно излагал, ошибаясь в согласованиях коротких фраз:

– Скоро там начнётся по-хорошему. Ты на каком курсе? На четвёртом? Ну, может, дадут закончить. А быстрее всего – нет. Там медики нужны будут. Всё равно мы должны победить. А потом дальше к чурекам пойдём. Если мы не придём, туда турки придут. Ты про турецкие войны читал?

Сосед майора вздыхал на своей кровати и советовал паралитику заткнуться.

Платили средненько. Вот у Павлова лифтёр получает сорок тысяч в месяц, это в переводе выходит десять бутылок водки. Стало быть, я тогда зарабатывал ежемесячно полтора ящика. Или по-другому – литр водки «Абсолют», банку красной икры и килограмм финского сервелата. Это называлось ценовой диспропорцией. Спиртного, впрочем, по финансовой мизерности и российского-то не пил. Сто тысяч рублей. Весной девяносто четвёртого года это равнялось двадцати долларам США.

Импортный алкоголь из круга тогдашнего общения систематически употребляли полковники, заведующий отделением и два бандита. Других знакомых бандитов у меня не было. А в книжке Олега Павлова:

«Хирурги – молодцеватые, розовощекие, успешливые⁴ в работе, а значит, и в деньгах ребята – пьют, модничая, только американский джинс, а когда напьются, то переодеваются в спортивную форму и отправляются играть в футбол. Новый стиль жизни. Но какой-то он игрушечный или уродский. Хоть, может, так теперь и будет: напиваться, но тем, что модно; сношаться, но для здоровья, похмеляться не иначе как футболом».

Зря он их так, наверное. Работа, правда, тяжёлая. Или, может, это я из солидарности думаю: тоже ведь автостопом катаюсь не совсем от бедности. Между прочим, своей тогдашней зарплаты, ста тысяч в месяц, я снова достиг совсем недавно. Рубль, конечно, другой немного, а на водку «Абсолют» и доллары зарплату переводить уже лень.

А ещё к нам в больницу голодные не ходили. Но это, опять-таки, от принадлежности учреждения правоохранительным людям. Хотя лёгкий культурный шок, связанный с пищей, у меня первое время оставался перманентным. Мы, низший медицинский персонал, в семь часов вечера собирались в столовой. В принципе, к этому времени мой рабочий день завершался, но работа физическая, и до дому – полтора часа на двух автобусах. А медсёстрам и санитарочкам ещё ночь впереди. Сёстры за счёт ночных смен получали чуть больше меня, однако тоже немного. Вот и собирались за ужином для приличного общения.

Супу после кормёжки основного контингента оставалось много: хоть борща, хоть капустных щей. А гороховый, например, им готовили редко. Мы все наедались, и Павловна ещё собаке полведра уносила. Котлетки, понятное дело, большие уминали сами. Иногда оставался набор «Змей Горыныч» из тощих куриных шей. Чай, конечно. Хлеб всякий. Всё б ничего так, но санитарка Лариса, сложив пюре в стальную миску с высокими краями, выливала туда же борщ. И чёрный хлеб крошила, иногда приговаривая: «Супик жиденький, да питательный, будешь тощенький, да старательный». Образовавшуюся сизую бурду она медленно пожирала, представляя мне особью иного биологического вида. Жил в частном доме у деда поросёнок Изюмка. Похожее ел – вкусный стал.

Другие санитарки тоже, конечно, не обладали старомхатовским произношением и, запоздав, например, приветствовали трапезу друг дружки так:

- Приятный аппетит!
- Не жёвано летит.

И всё же это пребывало в рамках культуры, доступной мне не по книжкам. Сам долго обитал с бабушкой в частном доме, где ели разными ложками, но из одной большой тарелки. Лариса же пребывала в чуть ином космосе.

Получилось вот у этой тётки устроиться к милиционерам в лечебницу вопреки давней судимости – и славно. Но хлеб-то в хрючевку⁵ зачем слагать?

Хотя санитаркам тяжело. Особенно в апреле и потом уже осенью. Лучше стало, когда появились бахилы. Впрочем, Олег Павлов их ругает:

«Теперь нововведение: сменная обувь! Посылают за пакетиками в магазин за углом: купишь два пакетика, зачехлишь в них обувь – проходи. Пакетик стоит пятьсот рублей. Магазин, кажется, начал хорошо наживаться. Использованные и выброшенные эти пакеты разбирает под конец дня больничная обслуга, которая сплошь малоимущая: санитарки, лифтеры, берут про запас, для родни. Описать это зрелище, как люди стадом обуваются пакетиками и бредут в отделения, я не в силах – нет таких

⁴ Особенности авторского стиля Олега Павлова. Мне его стиль в целом кажется симпатичным.

⁵ Хрючевка – она же «хрючево» (ср. р). Еда невысокого качества, как правило, сытная. Чаше употребляется в мужских коллективах: в экспедициях, в армии, на охоте. Готовится тоже чаще всего мужчинами, но, как видим – допускаются исключения. Этимология, вероятно, связана с тем, что пища такого рода более пристала поросятам, нежели человеку.

красок, такого хладнокровия у меня. Слышны не шаги, а сплошное крысиное шуршание по всей больнице и глухота».

Павлову, кажется, всех жалко. На то он и большой русский писатель. «Жалкий» – самое частое слово в «Дневнике больничного охранника». Нет-нет, цитат я наизусть не помнил. И помнить не мог, конечно. Я их потом сверял, когда эту повесть стал писать. Но вообще, наверное, книга хорошая, раз вот так взяла и заранее напомнила себя на перегоне от Бараново к Ревякино.

Город Тула, где темно

Перед станцией Ревякино, на регулируемом пересечении железной дороги с дорогой автомобильной начался юг. В речи дежурной по этому самому переезду возник чудесный звук, лишённый в русском языке собственной буквы и обидно называемый «фрикативным г». Сами вы фрикативные. Между прочим, говорят, римляне так и произносили. Хотя это давно было, мало кто помнит.

А дежурная на перекрёстке, наверное, специально речь свою организовывала, включая тот звук сколь можно чаще:

– «Где Ревякино, где Ревякино»? Говорю ж: шагов сто прямо и направо в горку, шоб по путям не гонять.

– А автостопом отсюда никак?

– Если только в сторону Погромного... Но у нас никто так не возит.

Красивое название – Погромное, правда ведь?

На станции книжка опять стала интересной. Хорошо вообще-то было: сидеть на станции Ревякино, читать стихотворение про Ревякино. И снег всё падал.

Подождав ещё немного электричку, уехал. Вагон оказался совсем пустым. Кроме меня, тут сидел только пижонистый бомж. Он обитал под схемой поездов тульского направления, имея при себе обычную для их сословия клетчатую сумку из страны Китая. А на себе носил клетчатую кепку, клетчатый шарф, клетчатую куртку. Но запах от него всё равно был бомжацкий, остроатакующий, и бороду свою мужик содержал неаккуратно. Вот наверняка ж: был когда-то интеллигентным человеком, читал про Египет времён Тутмосов⁶. Знал – нельзя было там, у врат цивилизации, плохо ухаживать за бородой.

На станции Тула-1 – Курская покормил я сторублёвкой жужжащую тумбочку, и скоро с мобильного телефона уже можно было позвонить Алексею. Ожидая его, сначала съел булку с вокзальным кофе, а затем пришёл в ужас: рюкзак оказался расстёгнутым. За малые секунды успел попрощаться и с новым фотоаппаратом, и с маленьким ноутбуком, и проклясть бомжа клетчатого (понятное дело, он украл). Однако нет. Видимо, сама собой застёжка расстегнулась. Вся техника лежала на местах, неподвижная, точно баклажаны.

Алексей, придя, говорит:

– Здравствуй. А у меня все болеют. Сейчас погуляем, потом тебя на вписку отведу.

Погулять я, конечно, согласился, но вписки сообразил избежать. У человека жена простыла и дочка тоже, а теперь меня куда-то ещё вести, с утра развлекает по новой? Я ж к Алексею ехал, правильно? Ну, стало быть, сейчас с ним наобщаемся, и дальше в путь.

Тула хоть и областной центр, но краткая поперёк. Там протекает речка Упа, и по ней Тула узкая. От вокзала можно сразу уйти на Одоевское шоссе. Но это для тех, кому в Калугу нужно. Или в Орёл. А кому в другую сторону, так и надо идти в другую сторону. Мы, например, пришли на Красноармейский проспект. Алексей свёл меня в ресторан итальянской кухни и стал угощать. Ели вкусную лазанью. Тут по законам жанра должен быть остроумный диалог, но его не будет. Может, в силу трезвости: у моей поездки ведь было несколько целей, и одна из них – от спиртных напитков отдохнуть. А то лицо уже обвисло, и давление сделалось высоким. Алексей не пил за компанию. Но вообще, хорошо говорили. Про детей, например, и про поездки бывшего лета. Мы по одним местам катались, только я автостопом, а он за рулём. На перекрёстках не встречались.

⁶ Тутмосы – четыре подряд фараона XVIII династии в Древнем Египте. По их именам всю династию порой обзывают «Тутмосидами», что может показаться обидным, но это правда. Увеличили границы страны, укрепили армию, наладили дальнюю торговлю. Тщательно ухаживали за бородами.

По городу ходили почти безблагодатно: с Красноармейского на Советскую, с Советской на Оборонную. Дело не в названиях. Например, Советская улица огибает подковкой почти весь центр Тулы с её трогательным Кремлём. В Кремле этом зубцы абсолютно похожи на зубцы настоящего Кремля. Только стены низкие совсем. Не так давно, четыреста лет назад, сюда пришёл Иван Болотников со своей армией. Он долго не сдавался царю Василию Шуйскому. До тех пор не сдавался, пока царь не приказал Упу запрудить и Кремль утопить. Сейчас бы так государь не смог – в силу малозначительности речки. Впрочем, и тогда Иван Болотников в Упе не утонул, а двумя годами позже в речке Онеге утонул. Он к тому времени уже незряч сделался – по царёву наказу.

На Оборонной улице всё ещё продают настоящие тульские пряники, а не подделки для малопритязательных туристов из Тамбовской области. Но это ж всё днём. Ночью – темнота и темнота – и ничего.

В малорослой части города, уже ближе к выходу, стало чуть веселей. В тех краях можно легко придумать рассказ. Или попасть в драку. Или попасть в драку, а потом придумать рассказ. Но мы не попали и не придумали. Там дома такие, располагающие. Одно- двух- и полутораэтажные. Каменный низ, деревянный верх. Всё строго. К финалу Оборонной улицы Тула стала заканчиваться. Алексей, ещё чуть постояв со мной, отправился. Он когда-то командовал строителями жилых домов, а теперь продаёт железобетонные конструкции и сходное с ними. Ему на работу надо всегда. Даже и по субботам.

Оставшись один, я притянул внимание таксистов. Их тут много было на окраине. Одни всё время приезжали, другие уезжали. Приезжавшие высаживали людей, опоздавших с банкетов по случаю Дня защитника Отечества. У покидавших автомобили руки отчего-то казались несообразно длинными. Наверное, так падал свет. Освободившиеся от пассажиров таксисты ехали ко мне, предлагая услуги. Через некоторое время это стало казаться ритуалом. Приехал на противоположную сторону круга, высадил длиннорукого человека, развернулся вокруг дубов, оказался рядом со мной, спросил, куда везти, получил отказ, стал курить.

Уже четыре машины стояли багажниками ко мне, и в зеркале заднего вида каждой из них краснел огонёк сигаретки. А другие какие-то люди, придя в круглосуточный магазин поблизости за водкою, делали там скандал. В общем, становилось на окраине Тулылюдно, беспокойно. Да и не подберёт никто, пока такси рядом. Отправился чуть в горку, где выезд на Новомосковск. Там аккуратней было, только огромный самовар блестел цветными лампочками, символизируя город, и ночной клуб вдалеке чуть слышно погромыхивал. Снег, перестав падать, лежал тихо. Он и так-то не сильно шумит, а улёгшись, делается вовсе скромн. Вот наши соседи по Уралу, манси, бывшие вогулы, летящий снег считали живым, а упавший – мёртвым. Интересно, когда в снежки играли, снег их каким был?

Так долго можно стоять, хоть всю ночь. Думать про мансей, например. Только пускай собак не будет. Тула стоит на трассе М2 «Крым», а мне надо было на М4, донскую. Это почти рядом, в пределах, так сказать, агломерации Тула – Новомосковск. Ночью не подберут, так утром поеду.

Впрочем, думал я недолго. Снова остановилось такси – серый Рено Логан с шашечками:

– Тебе куда?

– Да я это... так еду, без денег.

– Садись, я с заказа.

И это бывает. Таксистоп совсем не редкость. Рекорд у меня – 270 км от Екатеринбурга до города Кунгура. Но в этот раз меньше повезло. Через пятнадцать минут водитель повернул в свою деревню, а я остался на трассе под фонариком. И тоже быстро пришла ГАЗелька. Без этих маленьких грузовичков автостоп бы давно умер. Отчего-то именно они подбирают лучше всех. Хотя понятно: фуре остановиться и тронуться – это полведра солярки, наверное. В легковушках без нас весело. Остаются грузовички.

– Здравствуйте. Вы по трассе далеко идёте?

– Я до Кургана.

Чистая, беспримесная радость. До Кургана, в Сибирь! Это, значит, мужик поедет две с половиною тысяч километров, через Рязань и прочие большие города. Через Самару, например. Конечно, он где-то будет спать, но скорее всего – в придорожных гостиницах с интернетом и официантками. Сейчас мы с ним поболтаем, задружимся, проследуем.

Мечты мои сладкие, увы, быстро прервались. Разразилась топонимическая путаница. ГАЗелька вправду шла до кургана, но до Кургана Бессмертия: есть такой в Киреевском районе Тульской области. Это от места нашей встречи километров двадцать. А там ей направо, мне прямо. В общем, скоро опять встал на дорогу.

У кургана хорошо, там огонь горит. Вечный такой, и вокруг него бетонная звезда. Будто костёр рядом. Заправка через дорогу светится, всё в порядке. Ещё одна ГАЗелька – откуда и берутся-то они в самый-то беспросветный час? – и вот она, шумная развилка с постом ГИБДД. Здесь уже трасса.

Отставной

Тормознула легковушка:

- Шёл бы ты на пост... Они тебе быстро машину застопят.
- Да ладно, я тут как-нибудь, здесь светлее. Менты ж спят сейчас.
- А ты далеко?
- В Задонск.
- Ну, поехали.

И зачем, спрашивается, на пост меня отправлял? А он дальше говорит:

- И заметь: не все менты спят. Я вот тоже мент, домой еду.

Неудобно, конечно, получилось. Но, с другой стороны, я ж его не мусором обозвал. А ментами они сами меж собой называются, когда никто не слышит. Гомосексуалы тоже друг друга пидорами кличут. А любой православный батюшка про другого православного батюшку непременно говорит «поп». Только не в телевизоре, конечно. И дагестанцев, говорящих про соотечественников «даги», тоже знаю.

Хорошо милиционер подвёз, километров пятьдесят, за Ефремов. Светать ещё не начало, однако воздух стал легче. В июне это время называлось бы ранним утром. Отсюда я должен быстро уехать. Трасса тут даже в ночь не спит. Наоборот: так лучше, когда не сплошной поток, а одна машинка в полторы-две минуты. Обрадовался – и наглухо тут застрял. Будто шапку-невидимку надел. Только шины шебуршали, мною брезгуя. Стал иметь жалкий вид, даже улыбался смешно. Ведь рассуждения профессиональных автостопщиков про обоюдную выгоду водителя и пассажира забавны очень. Подбирают тебя, дорогой мой путешествующий друг, сугубо по доброте. Когда жалко становится. Значит, будь добр соответствовать.

И – никак. Час прошёл, на противоположной стороне трассы стали видны не только фотогеничные огоньки, но и само приплюснутое здание. Или, думаю, светать начало, или глаза к темноте обыкли. Простая такая стекляшка – магазин с круглосуточным кафе. А машины мимо шух-шух-шух. Некоторые чуть притормаживали, разглядывали меня и всё равно убежали.

Ещё собака залаяла. Далеко, но неустанно. Я долго в её сторону не смотрел. Потом оглянулся чуть. Ну, да. Правда, совсем не близко до нее., серая такая, никакая. У них это специальная защитная окраска: зимою прятаться на грязном городском снегу, а летом – в щебёнке и ямах, вырытых в тощей земле. Тут животины, правда, не скрывалась. Стояла между двух вагончиков смутного по темноте цвета, лая непрестанно. Потом голос послышался:

- Эй! Эй-эй. Уважаемый!

Стою, не оборачиваюсь. Вот сейчас меня та нечистая Вольво обязательно подберёт. Нет, однако, сорвалась. Автостоп – это ж рыбалка. Ну, ещё три поклёвки – и буду смотреть, кто меня зовёт:

- Парень! Ну, или мужик, ты кто? Иди сюда.
- Капитулировал.
- А у вас собака добрая?
- Да вроде никого не кусала ещё.
- Хоть на поводок возьми...

Иду через невысокий снег, зачем-то перемешанный с опилками и мелкими древесными корявками, а псина умолкает. Вот ради чего они так устроены? Стоял от неё в ста шагах – подвергался обструкции. А чем ближе, тем спокойней.

За последний век социальные типы в нашей стране переменялись до неузнаваемости. Можно, конечно, сказать «тургеневская девушка», однако, сие будет неточностью, для барышни обидной. Городовые – и те другими стали. Не говоря уж про учителей. Но вот подвид

отставного унтер-офицера, трудящегося ныне в сторожах, столетие пережил. Я ещё лицо-то хозяина смутно видел, а знал: он мне про школу прапорщиков непременно расскажет. И про службу в Азии тоже. Ну, да: город Верный, теперь Алма-Ата. Даже аэродром знакомый оказался – у меня там дядька служил. Дембельнулся перед самым Афганом. И я про себя довольно честно говорил. Лекарства делаю, в Подмоскowie работаю, своей квартиры нет, семья, дети, хорошо так устроились. Нет, почти не обманывают, аккуратно платят.

Внутреннее состояние Серёжиного жилища можно представлять, а можно и нет. Есть такое слово «каптерка». И аромат соответствовал. Когда я берцы и носки снял, запах в фургончике почти не изменился. А ведь я шёл и ехал много часов, непрерывно обутый.

Но отапливался сторожев домик как надо. В углу стоял небольшой баллон с газом, где-то вчетверть от тех, какие мы, родившиеся до Олимпиады, видели позади автоматов с газировкой. И был в том баллоне не скучный и углекислый газ, а смесь пропана с бутаном. Дальше короткий шланг, редуктор из латуни, а потом – длинный шланг. Заканчивался тот, второй, возле железки на ножках, похожей на мангал. Только углей в том мангале не было, а горели ровным слоем синие огоньки. Это когда тепла избыток – синие. А вдруг надо добавить градусов – так красные. И гудели они по-разному. Очень скучно было думать, чего с тобой будет, когда ты этакую жаровню заденешь голою рукой. Я и не задевал. Только поглядывал иногда, представляя, будто смотрю внутрь маленького атомного реактора, и ничего мне за это не делается. Сначала мы с Серёжей про армию, где я и не был почти, говорили, а потом просто так говорили. Зачем-то я ему понравился. Он меня за пивом позвал.

Берцы надеваю, и под левой пяткой делается боль. Натоптал, значит. Это пока ещё не мозоль, но она там непременно будет. Обидно. Бил обувь молотком, разношивал по городу – а без толку. Можно испортить себе поездку. Вот раскормился, так или худеть надо, или обувь подороже брать. Про снаряжение нам ещё Керуак рассказал. Ладно, чего теперь-то. Пошли. Собака больше не лаяла, а хвостом виляла. Её Юлией зовут, и все её любят, оказывается.

Сергей охранял довольно мёртвый участок: летом начали ремонт, сделали дорогу, а потом всё замёрзло. Увезли самоходную технику, но остальное пристыло к земле. Приезжали, чего надо отколупывали вшестером или ввосьмером, расходуя долгую смену. А потом, от середины зимы, просто сторожа оставили. И меняли его каждое утро. Это называлось «сутки через трое». Серёга мне так и объяснил:

– Ты на трассу не ходи. Скоро ГАЗелька придёт с Ефремова, они мне сменщика высадят, тебе место освободится, а меня, обратно когда ехать будут, заберут. Скажу им, будто ты мой племянник.

– А ты с Ефремова?

– Да. Теперь-то с Ефремова.

Лезли через полосатый барьер на середине федералки. Машин стало много, и атмосфера вокруг сделалась сероватой. Но не грязной, красивой. Сергей взял для своих нужд две «Балтики №9» в стекле, а я держал характер. Он бы так не понял безалкогольного поведения, но раз человек в завязке – такое понял. В закуску купил колбасы нарезной, подкопченной. Колбаса эта была в вакуумной упаковке, но собака Юлия всё равно учуяла. Ласкаться стала. Совсем подружились – за колбасу-то.

А вот Серёжа изумительно быстро ударился в паранойю. Почему пиво так офицера из ума выводит? Сам ведь меня позвал, а теперь то ли шпиона поймать хочет, то ли думает, будто я ему примерещился:

– Чо, говоришь? Лекарства делаешь? Шас брату двоюродному в Ефремов позвоню, узнаем, какие ты лекарства делаешь. Он у меня аптеку держит. Говори какое-нибудь название.

И усы его стали противно смотреть вперёд, а худое лицо сделалось очевидно красным – даже в темноте заметно. Дозвонится ведь он сейчас, братика разбудит. Утром-то выходного дня, в шесть часов. Брат вдруг недобрым окажется или с похмелья. Например, с друзьями баню

с вечера принимали, а разойтись ещё не успели. Приедут сюда на двух или пяти машинах, станут порядок обустраивать. Брат-то, может, ведь и младшим оказаться. Воображение с готовностью нарисовало молодого Чака Норриса, в том фильме, где его убил ненасовсем Брюс Ли.

– Серёга, – говорю, ты в окошко-то смотри? А то сменщика пропустишь.

– Не-не, ты хитрый больно.

Но телефон Сергея, к счастью, не послушался. А потом и пиво его отпустило. Напарника, он, правда, едва не проспал. Точнее, они-то в любом случае встретились бы, но ГАЗель с рабочими уехала бы без меня. У сторожей тут оказался ритуал. Когда одного привезли, а второго ещё не забрали, в этот вот малый час они выпивают крепкое. Второй, несерега, из кабины вылезши, делал Серёге знаки, понятные многим любителям жидкостей. Транслировал, так сказать, культурные коды. Про это ещё Л. Н. Толстой писал:

«Искусство есть деятельность человеческая, состоящая в том, что один человек сознательно известными внешними знаками передает другим испытываемые им чувства, а другие люди заражаются этими чувствами и переживают их».

Говорю водителю:

– Здравствуйте. Я вот племянник Сергея. Подкинете меня? Он сказал, что можно.

– Чо? Какой, нахрен, племянник? Серый, он кто?

Про меня, то есть, спросил. Мысли Серёги уже витали подле бутылки.

– Да-да, это... Племянник. В Елец едет.

– Так я ж раньше сворачиваю. Ну, садись, блин.

И больше за дорогу ни слова. Впрочем, и провёз недалеко, километров десять. А позади стоял недобрый гвалт. Вся смена, человек пятнадцать, сначала с хохотом, хрюканьем и воплями какими-то, похожими на бабские, обсуждала драку на автобазе, а потом вразной несла матерную чушь. Зло так говорили, беспросветно. Вообще, понимаю: зимой на дороге зарплат почти никаких, деньги задерживают. Остаются те лишь, кому совсем некуда. Летом да, нормально. Но всё равно за спиной будто стая крупных ворон.

Сворачивая на грунтовку, водитель ещё раз меня отмазывает на предмет, чего это я молчу, когда выходить надо, и высадил не попрощавшись. Машина его на той грунтовке смешно переваливалась с боку на бок. Навроде китайского заводного медведя, только жёлтенького.

На трассу выходил без восторга: памятен был утренний завис. Хотя и теперь всё ещё утро, только позднее. Оттого и машин много, поток сплошной и всем лениво. Рассчитывал долго постоять, даже мысль стал придумывать для тщательного рассмотрения.

Но в удовольствие своё подумать не успел.

Город хорошего Тона

На перекрёстке федеральной трассы и грунтовки развернулась красная Тойота, остановившись шагах в пяти от меня. Ноль-первый регион, Адыгея. Раньше никогда такая не подбирала. Ну, так я и по Кавказской дороге редко катался.

– Здравствуйте, вы далеко по трассе...

– Ну, видишь ведь: остановился тебе, так садись. Я просто маленький ещё был, лет двенадцать, иду у нас до посёлка, а идти далеко было, восемь километров, и дождь страшный льет, а меня никто не подбирает. Я вот тогда себе и пообещал: как машина будет, всех стану возить. Ты здесь просто встал неправильно. Я сначала тебя проскочил, а вот тут вот развернулся уже.

Звали водителя Анатолий, был он человеком военным, но говорливым. И лицо его, в отличие от лица Сергея, не символизировало алкогольных пристрастий. Полковник всё-таки. Ездил он в Москву на личной машине по служебным делам. Люблю таких водителей: он тебя везёт, да ещё и сам излагает. Про Сочи, где Олимпиада будет, он, конечно, тоже всякое говорил, но куда интересней – про Тантру.

– Я когда в Москву езжу, всегда в Тантра-клуб хожу. У меня друзья в ФСБ, они там вообще чуть не каждую неделю. Вся контора почти.

Клуб, судя по Толиному рассказу, был довольно занятным борделем. Только персонал заведения состоял из добровольцев обоёго полу. Гендерный дисбаланс там регулировался материально. С дам за вход брали 250 рублей, а с кавалеров – три с половиною тысячи. При таких расценках на каждого мужчину приходилось по две барышни. А дальше всё просто. Джентльмен заходит в помещение, где на него смотрят несколько девушек. Привет, говорит джентльмен одной или двум из них. Не желаете ли на массаж? Такая в клубе принята терминология. Обычно желают. И да: сотрудники государственной безопасности там пользуются особым расположением. Всё ж чистые руки, горячее сердце. Хотя корочками ребята там не размахивают. С другой стороны, заметут свои же, так честно ответят: ловим, мол, развратного шпиона из страны Гондурас.

– У них много комнат. Есть тихая, есть общая. Есть, допустим, на две-три пары. Главный зал – там на полу типа матов таких, кофейного цвета. Подсветка снизу, видно, что рядом с тобой занимаются хорошим делом, а так – ни лиц, ничего. Но я обычно в приват. И с замужними. Молодые девки жмутся сначала, хихикают. Вино заказывают, а там цены совсем дурные. А семейные, ну, или кто замужем были, они знают, чего хотят. За ночь можно успеть с четырьмя – с пятью. Выходишь – как из сауны. Свежий весь. Душ цивилизный, конечно.

Чего тут полковнику скажешь? Василий Васильевич Розанов относительно моральных вопросов рекомендовал блюсти молчание, дабы не чувствовать себя пошляком. Но меня в клубной организации смутила довольно унылая вещь: там целоваться нельзя. «Никакого контакта слизистых» – так в правилах написано. Контакт слизистых? Эти люди, наверное, долго обдумывали максимально эротичную формулировку.

Раньше люди на юг ехали через самый город Задонск, а теперь им построили объездную дорогу. У её начала мы с полковником Толей расстались. Хоть и звал он меня к своим краям. Всё-таки я не просто так по стране шатался, были некоторые дела.

Сначала Задонск я проехал насквозь, до самого автовокзала. Отчего-то так решил бородатый человек на синей Ладе. Он в монастыре числился по снабжению и хозяйственной части. Я православный, но водители, кто крестятся на церкви, убирая при этом руку от руля, напрягают. Бородатый вот не убирал, хотя церковей в Задонске очень много. Меня вёз бесплатно, автостоп при этом отрицая:

– Тебе ж сначала билет купить надо. Как вот ты обратно поедешь?

– Зачем обратно? Я в Липецк.

- Ну, хорошо. Как в Липецк поедешь?
- Так и поеду. Выйду на трассу, словлю машинку.
- Нет. Чего за ерунда? У нас так никогда не возят.

Вот сколько лет ещё буду кататься, столько и удивлять меня будут эти водительские разговоры про «даром сейчас не бывает». Сам везешь – значит, и другой такой будет. Правда, в районе обильных трасс останавливается один из ста. Так больше-то и ни к чему. Это ж пятнадцать минут постоять. Зато где север и дороги грунтовые, там все берут, кроме рыбаков с охотниками: у тех всегда машина под крышу забита – не уловом, так водкою.

На автовокзале, вполне, кстати, обыденном, билета не стал покупать, но приобрёл пластового ириса безо всякой обёртки. Иногда в неблизких городах думаю, будто эти липкие брусочки завозят на специальной машине времени из семидесятых годов. Нет, ну, правда: кому они теперь нужны, когда ныне и сникерсы-то не едятся? Вот совсем-совсем по детству, накупавшись в безобидной речке Сылве, хорошо было взять этих кирпичиков или, например, сто граммов конфет «Памир», тоже лишённых обложки. А чуть позже, классе в девятом, таким вот кондитерским материалом закусывать брагу. На берегу Сылвы, конечно. Кстати, Дон здесь размером тоже с детскую речку. Кажется, метров сорок в ширину. Он и в Ростове-то донском особо великим не выглядит, а тут совсем человеческий.

И город здешний ему в такт. Нынешним видом своим Задонск обязан архитектору Тону. При царе Николае Первом Константин Андреевич был главным зодчим Империи, разработав, например, совершенно дивные церковно-бюрократические проекты вроде «монастыря на 100 насельников» и «типовых церквей для 100, 200 и 1 000 прихожан». Хотя в тогдашней столице его дела не заладились. Из общепризнанных красот остались Московский вокзал и пристань со сфинксами. А многие церкви поносили – именно за обыденность их проектов. Но, судя по фотографическим снимкам, ничего особенного. В Москве, понятное дело, Храм Христа Спасителя. Восстановленный в совсем ином по высоте городе и чуть с годами поистершийся, он, конечно, не производит прежнего впечатления. А в малоэтажной Москве, торговавшей бубликами, этакий чайник смотрелся, пишут, удивительно.

Может быть, Константину Тону на севере не хватало рельефа. Он всё ж итальянской выучки. По крайней мере, тут, южней, его строения выглядят уютнее. Самый красивый собор, пожалуй, в Ельце. Высоченный, зелёный и ещё на крутом берегу хилой речки. Хотя и в Задонске отменно получилось.

Но особенности места решают не больше половины дела. Вот в Яранске, Кировской области есть Троицкий собор с колокольней. Он тоже хорош. Хотя совсем другой: этак Тон строил ближе к финалу карьеры. Подобные краснокирпичные храмы после него вдруг сделались именно типовыми, вытеснив задуманное им. В этом стиле тоже были на диво удачные строения. Например, Тихвинская церковь в Кунгуре. Но в целом бурая псевдоготика пугала. Тогдашним борцунам за справедливость, наверное, легко было вести противорелигиозный шум на фоне действительно тяжёлых построек.

К югу от Москвы наследники Тона были поудачливее. Стиль всё одно называли «имперским», «помпезным», «псевдорусским» и разными другими смешными словами. Но получалось хорошо. Правда, судить можем в основном по фотографиям. Вот Александро-Невский собор в Баку, вот – собор Христа Спасителя в Борках, недалеко от Харькова. Всё погибло. Остался, правда, Знаменский храм в Хасавюрте, тоже красивый, с приплюснутыми восточными шлемами куполов, похожий разом и на церкви Византии, и на романские капеллы, но кто ж туда специально поедет? А на севере опять возрастали слабоватые копии. Хотя не уродливые, милые вполне. Скажем, в городе Фурманов Ивановской области. Но всё равно... Видимо, на юге денег больше. Стиль ведь на самом деле дорогой. Словно знали заказчики: придут скоро бесы, изымут нажитое. Хотя мысль про физическое уничтожение созданной уже красоты, думаю, гнали от себя и самые эсхатологически настроенные епископы.

Ельцу и Задонску более-менее повезло. Елецкий собор использовали вместо зернохранилища, а тут, в Задонске, разное было. Детская колония, например. Их отчего-то любили обустроить в храмах. Под занавес минувшей власти в монастыре располагался консервный завод. Здесь вообще сельскохозяйственный район, много съедобного надо перерабатывать.

На главный храм монастыря, позолоченный в честь иконы Владимирской Божьей Матери, издаля указывает Владимир Ильич, в тот же цвет крашенный. Хотя про Соборные площади им. Ленина уже и смеяться грешно – столько их теперь образовалось! Грядущим летом 2010 года, типовых монументов стало поменьше. Только в нашем сельсовете Подмоскovie упало два полых изнутри вождя. Случилась им температурная усталость металла. Видимо, лето и впрямь оказалось самым жарким. А может, время неспешно домолотило. Реставрировать побрезговали.

Да и памятник святому Тихону перед дверьми в храм – малоинтересный, стандартный такой. А нимб из толстой проволоки кажется похожим на гермошлем. Или на антенну из соревнований по спортивному ориентированию. Поразительно, насколько у нас люди, обладающие кое-какой властью над душами, к этим самым душам относятся снисходительно. «Пипл хавает», – Титомир это двадцать лет назад сугубо о попсе сказал, а ныне такое повсюду. Воткнём статую – пусть народ радуется. И ничего б так, но на фоне синего храма, возведённого в самом деле с любовью, образ получается диким.

Паломники тоже бывают заняты. Выйдут из жукоглазого автобуса «Рязань – Задонск; экскурсия», посмотрят на котят, раздаваемых задаром из прозрачного короба со свечным обогревом, в храме свечку поставят – и вниз, к волшебному дереву. Растёт такой дуб на берегу реки Теши. Она когда-то и вправду была рекой, даже город раньше назывался Тешевском, а ныне – ручеёк ручейком. Наверное, дуб её выпивает. Мощный такой. Бурятских ленточек пока на ветвях не замечено, однако люди вот подходят. Кто-то слегка кору гладит, кто-то обнимает деревягу, долго выдумывая желанья (или так: «обнимает деревягу долго, выдумывая желанья»). Я тоже тронул поверхность, но просто так, без фанатизма. Тёплая, шершавая, похожая на искусственное дерево.

Над пустотами, впрочем, легко издеваться. Но вот рядом – святой источник с купелью. Тоже, наверное, когда-то языческие предки молились. А теперь ничего. Православный вполне водоём. Может, и с дубом так? Хотя он, конечно, моложе. Лет двести, вероятно. Тут монастырь уже стоял, церкви были.

Брусчатка, шедшая от речки Теши вверх, походила на разноцветные ириски. Скорее, даже на пёстрые: желтоватый-красный-серый, красный-серый-желтоватый. Обычно этих контрастных цветов поровну, и на дороге кажется всегда листопад, только теперь присутствовал снег, отчего белый колер преобладал.

Хотелось ещё гулять по Задонску, но время уже стало распоряжаться. Вот бы прийти в гостиницу, переночевать, а завтра пускай опять сегодня будет. Только не как в кино про День сурка, а однократно. Ещё ведь говорят, будто при самом монастыре есть бесплатные комнаты общего типа. Может, там суровый запах, но когда он меня пугал?

Так, уговаривая себя остаться, добрёл обратно к автовокзалу. Тут осталось вдоль рынка пройти и – на трассу. Ничего. Вернусь сюда ещё. А нет – так фотографии буду смотреть. Я их за это утро штук четыреста сделал. Но лучше б вернуться. На пенсии, к примеру, жить вон в той страховидной двухэтажке. Окна вниз, к речке Теше.

Сколько я себе мест жительства на старость выбрал, так это надо Агасфером быть. Ну, Бог милостив.

Оранжевое

Мимо автовокзала, мимо рынка, всё ещё людного: обычно в небольших городах торговля подобного рода к полудню успокаивается. Тем более зимой. А тут и хорошая позиция в сторону Липецка. Уехал почти сразу на яркой машине с беззвучным водителем.

Меня такие шоферы сильно удивляют. Точно исполняют некий обет: подберут стопщика – и ни слова за весь путь. Лишь спросил:

– Тебе куда?

Я оторопел на секунду. В Липецке меня ждал Евгений Ласкателев, замечательный человек. Но кроме его замечательности и номера телефона, ничегошеньки о нём не знал. Ответил водиле стандартно:

– Мне к вокзалу.

– Я там не поеду. Мне за три квартала сворачивать. Хотя чёрт с тобой. Довежу.

Так я, вроде и не просил. Бывает, впрочем, такая чуть изопрённая схема взимания платы – приедет до места и смотрит, печально дыша. Тут иной случай. Мазда шестой модели цвета Опатия – машинка хоть и жёсткая на ходу, с низкой для российских трасс посадкой, но дорогая. И высадил меня её хозяин подле вокзала, не захотев денег.

Сама дорога получилась обычной. Только ближе к Липецку начались сумерки. Чуть-чуть совсем. Я глаза отвёл на дорожный знак, а когда снова глянул на дорогу, яркость слегка ослабла. Будто в зале, где светились пятьдесят девять лампочек, одну выключили. Так всегда бывает в дороге: сперва темнеет рывком, когда отвлечёшься, а потом уже равномерно. Ещё вполне день-деньской был, однако двинулся он в сторону убыли. И о возрасте своём мне вдруг думать расхотелось.

А совсем ближе к городу отметил сутки в дороге. Это случается, когда едешь далеко: первый день – самый долгий. Тем более не спал. Правда, дальше в эту поездку случалось времени опять замедлиться, но уже по неприятным обстоятельствам.

На липецком вокзале поезд выезжает из стены, прямо над часами. Не настоящий, конечно, хотя тоже железный. Он бы ещё гудел диким гудом каждый час, пугая беременных пассажирок и материалистов, так и вовсе бы занятно получалось. Но у строителей вокзала оказался слишком хороший вкус и аккуратная ирония. Фасад тут украшен объектами из листового железа, неплохо пародирующими столичные новоделы: Пушкина, например, с супругой или петербургских кузнецов, изготавливающих якорь. Впрочем, и официальный, положенный любому областному центру, памятник Александру Сергеевичу в Липецке дивен. Изображает он субливного псиглавца⁷ с профилем левретки. Хотя да: запоминается.

К Евгению приехал относительно быстро. Он не один, конечно, живёт. У него хорошая такая, счастливая семья, законно непохожая на другие счастливые семьи. Нет, так-то всё обычно: преподают, репетиторствуют. Двое ребёнков. Сейчас больше, а тогда было двое. Мальчик и девочка. Они меня конфетами угощали и всяко прикалывались. Иногда Женя берёт очень большой рюкзак, уезжая автостопом в Абхазию. Он и в другие места, конечно, ездит, но в Абхазию всего интереснее. Ещё веселей только обратно, из Абхазии, когда рюкзак исполнен мандаринами. Конечно, с таким в кабину фуры лезть неудобно, а в Жигулях он просто не поместится: так нельзя в нашем макром мире, чтоб какая-нибудь вещь помещалась внутри другой вещи, меньшей по размеру. Но всё же рюкзак вместе с Женей приезжает в Липецк. Тогда все радуются.

⁷ Псиглавец, он же кинокефал – мифическое существо, представляющее собой человека с собачьей головой. В таком виде принято изображать, например, святого Христофора. Но Пушкина в таком виде изображать не принято.

Мы сидели за столом, а на столе были мандарины. Не из Абхазии, те съели, а простые, магазинные. И торт оранжевый. И, кажется, варенье из облепихи. Евгений спиртной напиток водку не любит, оттого и я не хотел. Это хорошо. После мы стали гулять. Уже, конечно, в сильной темноте. От фонарей и снега происходил оранжевый свет, но в остальном мире сделалось темно. И нога болела всё сильнее. Я её заклеил липким пластырем. Она сначала прошла, но скоро возмутилась опять.

В темноте нам встречались разные штуки. Иногда – красивые и странные, но чаще либо странные, либо красивые. Вот, например, Чебурашка на стене детского сада – он странный. У настоящего Чебурашки из мультфильма ведь круглые уши. А тут строители пытались выложить их из кирпичей, но кирпичи оказались прямоугольными. Соответственно, уши получились квадратными, будто их купировали ножницами по металлу. Чебурашку куда-то вели лиса Алиса и доктор Айболит в очках для слепых. Он, видимо, кота Базилио вылечил совсем, а очки у него отобрал.

И памятник на набережной был странным. Там четверо людей дудят в трубы и бьют в барабан. Серьёзные такие граждане, приземистые. Вообще, это про военный оркестр, однако многие говорят, будто тут памятник Битлам. Только конспиративный. Рядом: рядом много лет подряд бесчинствуют неформальные малолетки.

А на бульваре, идущем вдоль этого монумента, стоят другие скульптурки. Вот они точно красивые и странные. Кошки, собаки, обезьяны и, кажется, птицы в шляпах скручены из разных промышленных железяк продолговатой формы. Мило, правда, скручены.

Под бульваром начинается обрыв, за ним – река Воронеж, а после неё – Липецкий металлургический комбинат размером с отдельный город. Там даже трамваи сами собой ходят от цеха к цеху. Город вверху, комбинат внизу. Вернее так: город Липецк стоит на Среднерусской возвышенности, на самом краю. Вот тут, где мы, возвышенность, а ниже, после крутого обрыва – не возвышенность, а наоборот: Окско-Донская равнина. Редко ведь где так меняется география. Вот, например, когда едешь на Урал, никогда не знаешь: ты уже на Урале, или ещё в Придурье? Так для краткости Предуралье называют. А тут всё просто. Равнину с неравниной разве спутаешь? Комбинат в город почти не дымит: пар и другой газ, конечно, идут кверху, но не так высоко, какова гора.

Ещё на берегу есть занятный дуб. Точнее, сам по себе он простой. Красивый, но простой – тут много таких. А вот табличка на нём хороша:

Сказочный дуб Александра Сергеевича Пушкина.

**(Под этим дубом познакомились
дедушка и бабушка А.С. Пушкина, поэтому
он называется дубом Пушкина).**

Честно говоря, у меня были несколько другие представления о сватовстве в старинных боярских родах.

Впрочем, обитателей Липецка можно понять. Вроде у города и богатая история, а вроде её и нет. Жил малонаселённый пункт в Тамбовской губернии. Приезжал туда Пётр Великий,

открыл минеральные воды. Екатерина II нарекла хоть и заштатным, однако городом. Торговали, да. Но вообще – существовали аккуратно. Архитектура купеческая, двухэтажная. И царь к пляжу идёт. Скульптура Петра здесь дивная. Изваяния, служащие объектом разных похабств, в нашей стране чрезвычайно распространены. Вот Валерий Чкалов в городе Нижний Новгород поднял очи горе, а при взгляде с третьей ступеньки делает такое, от чего памятник превращается в славу половой мощи советских лётчиков. Вот Константин Федин в Саратове смотрит на Волгу, но сам левою рукой детей плохому учит. Ну, и в других местностях старались. Однако липецкий император превозмогает всех. И поступь-то широченная, и сам таков – жеребец рядом с ним отдыхает. Нет, спустившись к павильону с минералкой, летом меж фонтанов или зимой средь неровного льда видишь: царь несёт подзорную трубу. Но вот при виде с иных точек – да, сила, энергия. Куда там изваяниям в индийском Кхаджурахо! И ведь не Церетели делал, но скульптор Клыков, царствие ему небесное, не тем помянут будь.

Флаг у Липецка красивый. Может, и самый красивый: золотое дерево в цвету. Кажется, у Гондора такой же был. Раньше над липою этой на флаге порхали натужные пчёлы, а теперь их убрали. В ознаменование независимости, конечно: пчёлы это ж тамбовский символ, а Липецк давно сам по себе. Ещё видели запутанную схему развилки между Первомайской улицей, Советской улицей и Свято-Успенским монастырём, где, отчаявшись, видимо, разъяснить шофёру маршрут, мудрый художник написал церковнославянским шрифтом марки Favor: «Предай Господу путь твой, и уповай на него». И театр видели, новодельный. Новые театры – они ж все похожи на трансформаторные будки, кроме тех, кто похожи на торты. Подле этой будки Евгений рассказывал про сложную систему отношений юных обитателей Липецка в минувшую эпоху уныния социализма, а прочее тьма скрыла.

На восток, на юг, немного Матрицы и снова на восток

Утром Евгений начал меня изгонять. Нет, завтраком угостил, дал хороших советов по оставлению города, однако затем начал изгонять. Точнее, поторапливать. Спрашивать аккуратно, не пора ли мне? Я его даже не понял: за что? Езды-то всего 600 километров, главное – чуть-чуть от города оторваться, а там дорога подхватит. Однако Женя оказался весьма прав. Он тут всё же давно обитал, разобрался в местных нравах, обычаях и скорости передвижения.

Только я, этого не зная, поспешал совсем медленно. Дом его покинул ближе к полудню, а выйдя из автобуса, ещё пофотографировал магазин, именуемый «Липки». Уж больно туда, на вывеску, слоган просился: «Липки: заходи – обдерём». Да и уехал быстро. Полдороги до Тамбова прошли в хорошем разговоре о бедствиях вольных путешествий и преимуществах владения своим транспортом. Это так меня мужичок на Жигулях подбодрял. Он накануне в Липецке обрёл плоский телевизор размером с носилки для навоза и теперь домой ехал, попку обмывать, 23 февраля праздновать, всяко ещё радоваться. Говорил: «Нормально всё. Поработаешь в этой Москве – тоже машину купишь». Я кивал.

Высадил меня возле остановки междугороднего транспорта. Так себе место. На остановке ж люди стоят, ждут автобус. Он должен, судя по расписанию, быть спустя час. Вот кто тут остановится? Мало кто. Да и, тормознув, наверное, человек станет удивлён: все за деньги ехать собираются, а этот, больно умный в красной куртке, – даром. Впрочем, никто подвозить и не собирался. И вообще, машин немного ехало. Выходной, зима.

А вокруг красиво. Плоское всё, необычное. И аккуратные цвета. Я же этот участок от Москвы до Саратова назвал, стартуя, «дорогой к солнцу». Не вслух назвал, но пафосно. Так именуют велогонку Париж – Ницца, отправляющуюся каждой ранней весной под ватным небом известной столицы. Гонку эту любит показывать «Евроспорт», и при её финале всегда радуешься за места, где 15 марта вовсю цветут зелёные изгороди.

Я же ясное небо в эту поездку увидел только на севере, но про это дальше скажу. Тут неяркость и плоскость пейзажа были уместны, хороши. И ноги не мёрзли. Хотя почти час простоял. Остановился опять грузовичок. На сей раз – Соболь. При знакомстве водитель, спросив, кто его пассажир и далеко ли вместе, отрекомендовался:

– А я вот бывший убийца.

В дороге разное бывает. Как-то на Урале меня и девочку по имени Кошка Плюшка в похожей машине вёз человек, лицом напоминавший скорее замминистра областного ранга. Нам комплимент ещё сделал:

– Еду вот, дождь такой идёт. Смотрю, вы стоите. Я сразу по вам понял: люди порядочные.

Сам он только-только вышел из колонии, где отбыл четыре года за мошенничество при строительстве сиропитательного учреждения «Дом ребёнка».

Вася же, ехавший к Тамбову, ничего не крал. Была драка на дискотеке, кого-то сильно пинали, и этот кто-то умер. Осудили троих, сделав Василия «паровозом». Получилось восемь лет. На зека он походил мало и коллег осуждал:

– Вот откуда у нас такая слава? Как Тамбов – так сразу бандиты. Это всё из-за отморозков. Ну, и телевизионщики старались. Теперь область инвестиций не имеет.

За инвестиции бывший, скорее всего, преувеличил, но некая мифология тут вправду существует. Пока ловил машину, и когда ехали, попадалось много тонированных легковушек с надписью странной латиницей: «*Criminal region*». А ещё волчьи морды на задних стёклах тут любят рисовать. Вот правда – для чего? Но бывший убийца – сильно, да.

Сошёл на объездной дороге вокруг Тамбова, где напротив видна развалина четырехэтажки, похожая на череп древней крысы из плохого музея. В доме том когда-то собирались

делать автобазу, затем недолго была полулегальная гостиница для дальнобойщиков, а потом ничего совсем не стало. Евгений из Липецка тут ночевал как-то без мешка и палатки, сильно замёрз. Хоть и лето было. Случилось ему зависнуть почти у самого дома. Смешно: вот рядом Липецк, а он в поломанном строении зябнет на третьем этаже.

Впрочем, смеялся над Женей я очень недолго. Наоборот, грустить вскоре стал. Была у нас с Кошкой Плюшкой такая шутка: «Простояв три часа, они поняли, что зависли». Три не три, но вот я уже час тут почти. Площадку берцами вытоптал ровную, будто корт для бадминтона. Подмерзаю от ступней кверху. И машин-то вроде много, а точно плащ-невидимку надел. Даже рукой никто не машет. Мимо, мимо, мимо, мимо. Солнышко уже дугу нарисовало.

Со стороны Тамбова вышла девушка с рюкзачком. Может, красивая. Далеко она была, и я не видел. Опять придумал: вот она сейчас дойдёт, мы станем разговаривать, есть ирис, а потом быстро уедем. Однако, когда день не твой, так он весь не твой. Барышня по трассе не успела сделать и двадцати шагов, а ей уже остановился автомобиль Волга с той же надписью про криминальный регион, и два галантных кавалера зазвали её внутрь. А, меня объезжая, рожи скорчили, хохоча. Будь у них не Волга, а самолёт-биплан, так ещё б, наверное, крыльями качнули.

Дальше стою, зябну уже всерьёз. Ириса всё меньше, мысли короче, злее. И про девушку эту незнакомую тоже. Она-то чем провинилась? Топ-топ-топ. Туда-обратно. Сниму рюкзак, надену рюкзак. Начались постыдные думы насчёт ехать в Тамбов, а там – поездом. И с авто-стопом навсегда завязать. Повесить, так сказать, берцы на гвоздь. Разглядывать изредка фотографические карточки, удивляясь.

Выручил опять грузовичок. Форд. Водитель его Аркадий, взрослый совсем, лет пятидесяти, грузы стал возить недавно. До этого работал в лесной промышленности:

– Самое ж интересное – производство ставить. Когда всё полетело, так на работу можешь вообще не ходить. Инженер это ведь организация: оборудование заказываешь, бригаду нанимаешь. Из первого набора ж никто не остаётся: аванс получают и гудят. Их гонишь, других берешь, учишь. А потом, когда поехало, так сам начинаешь пить – со скуки-то.

Аркадий, человек вроде бы не толстый, на согласных буквах забавно урчал. Казалось, будто говоришь с троллем. Не интернетовским, а настоящим, из сказки. Вот и болтали. Я тоже делился руководящим, так сказать, опытом. Получалась сцена из чёрно-белого фильма: едут два немолодых человека, про работу говорят, учат друг друга. Благодать.

Правда, два года назад Аркашу работа достала:

– Сейчас всё леспромхозникам отдали, весь лес, все дела. А они, суки, жадные. Вот говорю директору: ты выбери чо-нибудь одно – или воруи, или жмотничай. А то и то сразу нельзя. Не. Нифига не понимают. Короче, у меня теперь новая карьера, своя. Была ГАЗель, теперь вот Фордик. Год поезжу – Фрета возьму. Потом второго. На него водилу посажу.

Планировал остатнюю жизнь Аркадий надёжно, и машину так же вёл. Очень не торопясь:

– Гоняют, у кого тачка не своя. Я бы на хозяина работал, так тоже б фестивалил. Быстрее работу сделал – халтуры твои. А тут нельзя. Вот надо мне к утру в Волгограде быть, так я зачем гнать стану? К утру и буду. Пока выгрузка-погрузка, отосплюсь, чтоб за рулем не срубало. Я ведь всю жизнь на северах. Родину-мать эту ихнюю только на картинках видел. А тут вот сфоткал внуку. Для масштаба: люди стоят, но всё равно не видно, до чего она здоровая!

И достал из бардачка, меня подвинув, смартфон с большим экраном. Ну, да. Тот самый монумент, тот самый вид. Наверное, большая статуя. Я сколько раз был в Волгограде, только издали смотрел. У этого города удивительная транспортная система. Даже с учётом нашей страны удивительная.

Потом мы ещё долго ели лагман и шашлыки в правильном месте. Правильное для еды место от неправильного на трассе отличается легко: возле правильного фуры стоят. Дальнобойщика ж можно один или два раза обмануть, но долго его обманывать не получится. Он

или в табло хитрому человеку заедет, или будет его игнорировать. Значит, где много машин, там и кормят. Тут, конечно, зазор: любители кухни, представленной Еленой Молоховец, возможно, будут обмануты в своих ожиданиях. Но в общепринятом ныне вкусе, кухня придорожного кафе, где рядом много больших машин, скорей всего, окажется прекрасной.

Аркадий меня даже кормить хотел. Почему, спросил, ты один лагман съел, а больше не ешь ничего? Может, у тебя денег нет? Ну, как ему объяснишь: он и лагман съел, и шашлык съел, и лепёшки с кунжутом две, и сладостей ещё, а всё равно худой. Он пять раз по столько скушав, останется стройным. Наверное, Север его так натренировал. А скорее всего – сvezло по праву рождения. Но каково ж нам, людям с равномерным обменом веществ? Нет, фигуру поздно беречь. Просто есть неохота. Правда, с разрешения водителя принял 100 граммов водки. Это его утешило. Тогда ещё 50 принял. Тут ведь не нарушение трезвости – я просто замерз.

В кафешке, украшенной головою лося, мы просидели почти час. А когда вышли, увидели темноту. Юг тут, господа. Ехали дальше, про всякое говорили. Аркадий дивился, узнав, что у меня семья, а я вот по стране катаюсь. Странно: у него ведь тоже. Хорошо, недолго прощались у развязки «кленовый лист» на въезде в город Борисоглебск. Развязки эти красивы очень. На машине проскакивая, их почти не заметишь. А полкилометра по кругу в опричной тьме и когда нога болит всё сильнее – да, чувствительны.

Как сошёл с развязки, сделалась мне матрица. Темень вокруг была совсем непроглядной: объездную построили только-только, кажется, и фонарей на её поворотах ещё нет. А может, и не будет – проектированием у нас порою занимаются люди довольно необыкновенные. Справа лес, слева вроде бы тоже. Шёл, интенсивно прижавшись к обочине: вдруг машина станет догонять и шофёр не заметит светоотражающие полосы на куртке? Грустно будет и ему, и мне. Нет, заметил, скорость убавил. И в лучах фар появилась надпись флюоресцирующей краской на синего фона щите: «Борисоглебск – 3 км, Саратов – 300 км». Я обрадовался и расстроился. Хорошо, конечно, прийти в город Борисоглебск, но, с другой стороны, одолел-то лишь полдороги к Саратову. А в пути я уже скоро 9 часов. Медленно. Среди нашего с Плюшкой автостопного фольклора прижилась, среди прочих, такая фраза: «Иногда путешественникам случалось пройти трассы, которые они собирались проехать».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.